

БЕСЕДЫ О ПРЕКРАСНОМ

И ВЕЧНЫЙ ЧАС

О новом памятнике великому поэту на Черной речке

Все творчество известного советского скульптора, народного художника СССР Михаила Константиновича Аникушина связано с Ленинградом. Там он учился, туда вернулся, пройдя дорогами войны, там, на площади Искусств, поставил памятник А. С. Пушкину, удостоенный Ленинской премии, создал мемориал «Героическим защитникам Ленинграда». Наш рассказ — о новом скульптурном памятнике А. С. Пушкину, установленном в Ленинграде на Черной речке.

«...Сходство портрета с подлинником поразительно, хотя нам кажется, что художник не мог совершенно схватить быстроты взгляда и живого выражения лица поэта. Впрочем, физиономия Пушкина, столь определенная, выразительная, что всякий хороший живописец может схватить ее, вместе с тем и так изменчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы один портрет Пушкина мог дать о ней истинное понятие».

Так в майской книжке журнала «Московский телеграф» за 1827 год приветствовался портрет Пушкина работы уже знаменитейшего в ту пору Тропинина.

Пока, впрочем, оставались на земле люди, видевшие живого Пушкина, любое изображение поэта, будь то живописный портрет Кипренского или карандашный — Вивьена, которые и самому Пушкину нравились, признавалось несовершенным. Потом современников не осталось, но осталось убеждение: лицо Пушкина живо в такой гармонии с вечным движением мысли, что любое, самое прекрасное, отдельно взятое мгновение этого движения — лишь полуправда о поэте. Прекрасно, что самый суровый приговор, даже вынесенный на века вперед, не всегда состоятелен. В каждом поколении находились не один, не два, кто, читая оставленные Пушкиным строки, открывал созвучное себе, своему мировосприятию, своему сердцу. И на бумаге, на холсте, в камне, в бронзе рождался новый Пушкин.

Таким именно он явился и в июне 1957 года, когда на площади Искусств в Ленинграде был открыт новый памятник поэту работы Михаила Константиновича Аникушина. Надо ли говорить, что у этого Пушкина прерывалась всякая сколько-нибудь попутная дорога ленинградцев. Мы, в ту пору студенты-филологи, только начинали университетский курс. Нам представлялась особенной наша причастность к литературе, где каждый вечер, по пути из публички, мы сворачивали с Невского к Пушкину. Ленинградский вечер июня — понятие весьма условное. Вечер светел, как день, и ночи — белые. Мы с этого и начинали:

И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.

Пушкин слушал нас с лицом спокойным и счастливым. Но вот начиналось другое:

Мечты кипят; в уме, подавленном
тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток...

Бронзовое чело Пушкина сразу становилось строже и старше, и рука, только что изящная, невесомая, обретала нервическую силу. Мы застывали потрясенные, открывая для себя удивительного собеседника. Он стал нашим надежным поводырем в великом лабиринте своей поэзии. И только бронзовый Пушкин на площади Искусств, всегда изменчивый, всегда новый, как неиссякаемый поток гения, и сегодня молод и щедр. Просто держит в своей руке другие руки...

Михаилу Константиновичу Аникушину было в том 1957-м 40 лет. Благодатнейший возраст, когда и талант, и мастерство уже набрали полную силу, а смелость еще не осенена крылом осторожности. Она пришла к нему вовремя, ленинградская площадь Искусств. Он дерзнул поставить своего Пушкина в центре ансамбля, который великий Росси сам успел довести до совершенства. Поставил, чтобы испытывать себя гением России всю оставшуюся жизнь.

С той весны минуло 26 лет. И сегодня невозможно представить без Пушкина площадь Искусств. Кажется, убери его отсю-

да, и она станет пустой и бесприютной. Так встреча двух художников через сто с лишним лет поставила последнюю точку в формировании одного из самых прекрасных архитектурных ансамблей Ленинграда.

Не много найдется на земле пушкинистов, кто знал бы Пушкина так, как известен он Михаилу Константиновичу Аникушину. Хотя Пушкин никогда не был единственной ни художнической, ни человеческой его любовью. Просто серьезная, на долгие годы встреча с Пушкиным пришлось на тот возраст, когда случайное опадает осенним листом, и только настоящее, сильное идет в рост. Сначала не Аникушин лепил Пушкина, сначала Пушкин создавал Аникушина. То, что в неторопливом общении поведал поэт о человеке, о России, о призвании художника, было так огромно, страстно, справедливо, что не могло не стать для Аникушина частью собственного «я».

Не много проку в подобных предположениях, и все же предположить можно со стопроцентной долей вероятности: сосредоточился тогда Аникушин только на Пушкине, и это была бы работа на всю жизнь, и это была бы достойная работа. Но он ушел от Пушкина сразу после триумфа 1957-го, принесшего ему высшее признание: звание лауреата Ленинской премии. Ушел, как взбунтовавшийся ученик от учителя-депота. В мир других страстей, других характеров, в другое — свое время.

По трудам его, вдохновенным и увлекательным, это было не менее напряженное и плодотворное время. Он создал в эти годы памятник Владимиру Ильичу Ленину в Ленинграде. Необычный памятник, вызвавший много острых разговоров. Но, несомненно, занявший в нашей величественной Лениниане свое, классическое место.

На эти годы падает и многолетняя трудоемкая и в высшей степени ответственная для бывшего фронтовика работа по созданию мемориала, посвященного Великой Отечественной войне на площади Победы в Ленинграде.

Казалось бы, это заняло его целиком, все его творческие, духовные и физические силы. Но это лишь казалось ему и всем в его окружении. Пушкин не оставлял художника, он оставался его тайной, глубокой думой...

Однажды, порядочно уж лет тому назад, довелось увидеть нечаянно, как сидит Аникушин в своей мастерской. Руки опущены, и в глазах — покой. Аникушин вообще не сутулится. Не любит праздных разговоров, парадных встреч, необязательных знакомств. С годами появилось все больше сторонних забот — в Союзе художников, в творческой мастерской, в человеческих отношениях, где он старший, почитаемый, а значит, и ответственный. Он умеет настоять на своем, доказать, защитить. И быть счастливым от этого. И испытать радость. И все-таки лучше, всему предпочитаемое — часы покоя в мастерской. Руки опущены, и глина лежит бесформенной массой. Чужая жизнь, в которой уже бьется его сердце, «свой» длинный развивает свиток...

Странно — от Пушкина уйти не удалось. Он не стремился, не желал мерить своих современников мерой пушкинского провидения. Так получалось — всякий русский характер хоть в чем-то непременно восходил к пушкинскому истоку. И, заслоняя собою скорую заботу нынешнего дня, ложился на рабочий стол письма к Чаадаеву, история Пугачева... Чего только не оставил Пушкин грядущей России. «...Исполнен долг, завещанный от бога мне, грешному...» Потому она так проста, емка, математически кратка, эта итоговая формула жизни, что проверена собственной судьбой. Нечеловечески огромное, непосильно прекрасное вложил он в свои короткие 37 лет...

Через четверть века, через громкий успех и совсем непростое, неоднозначное самосознание совершенного у Михаила Константиновича Аникушина вызрела необходимость еще раз воплотить в бронзе образ Пушкина...

В ночь на 10 февраля этого года на станции метро «Черная речка» был установлен бронзовый Пушкин работы народного художника СССР, лауреата Ленинской

премии, Героя Социалистического Труда М. К. Аникушина. Много писалось и говорилось о первом Пушкине Аникушина, о том, что по праву занял он центр площади Искусств. Но так же уместен он был бы, скажем, и на Стелке Васильевского острова.

Но новый Пушкин от Черной речки не отделим. Это Пушкин последнего часа. Окинул взором свершенное и понял, кто он для России. Только ни возгордиться, ни прошептать то, бывшее, ликующее «Ай да Пушкин!» земного времени уже не осталось... Никогда ранее мы не видели пушкинского лица такой совершенной красоты. Никогда ранее не было оно таким русским... Чуть кудрявятся меховые отвороты шинели, чуть выпуклы пуговицы сюртука. Уже истонченные, на грани небытия, скрепленные кисти рук. Потом другие повернут эти недвижные кисти вверх — в последнем жесте, прощальном. Вот и весь фон, на котором живет пушкинское лицо — прекрасное, как наша память о нем, вопрошающе-строгое, как духовное начало в сокровенной глубине каждого из нас...

Пушкин последнего часа стоит на станции метро «Черная речка», в круговорте почти нескончаемого людского движения. Как было задумано. В скором шаге счастливой жизненной поры встретить, человек, испытующий взгляд Пушкина и постарайся не отвести глаз: этот час никого не минует, подумай сегодня, с чем ты к нему приходишь...

Когда мы встретились с Михаилом Константиновичем поговорить о Пушкине, он был сердит и утомлен. Назавтра открывалась выставка художников-монументалистов, а в манеже все еще суетились, стучали молотки, искрились провода, за суетой облик выставки не угадывался. Что-то еще не складывалось у него тогда — свое, личное. Да и сама по себе жизнь — она так тороплива, досчитывает седьмой десяток! И эта фраза — изумила и запомнилась — во многом, конечно, пришлось на настроение:

— Я думаю, — сказал он, — на «Черной речке» мой Пушкин — последний. Да, да, — поспешил он прервать возражения, — я думаю, последний.

Ну что ж, может быть, и так. Он прожил пушкинскую жизнь всею своей жизнью. По глотку, по мгновению. До мгновения последнего, до Черной речки.

З. ГОРЧАКОВА.

Ленинград.

Фото А. Медведникова.